

Мин Ю обычно не позволял себе подобных дерзостей, но Юй Жу только что довела его до такого исступления, что гнев невольно перекинулся и на её наставника — главу секты Сюаньюй, Юань Цяньчао.

В глазах Юань Цяньчао промелькнул зловещий блеск, таящий в себе удушающую жажду убийства. Сам по себе он не был вспыльчив или жесток, но лишь до тех пор, пока никто не посягал на святое. А репутация секты Сюаньюй и личность Вэйцы-цзюня оставались для него неприкосновенными святынями.

— Мин Ю еще слишком юн, оттого и не умеет сдерживать язык. Позвольте мне принести извинения за его дерзость, — Цюй Циньюэ, всегда умевший читать людей по лицам, вежливо склонился перед Юань Цяньчао, а затем строго обернулся к провинившемуся ученику: — Прекрати порочить имя школы перед главой Юанем. Назад!

Мин Ю, набычившись, упрямо прошептал:

— Шишу Цюй... но ведь он из этой проклятой Сюаньюй! Демонический прихвостень! Наш почтенный глава всегда говорил, что таких нужно истреблять без жалости, едва завидев.

— И у тебя руки не дрогнут? Кем бы он ни был, праведником или отступником, он — глава великой секты. Его духовные силы и статус неизмеримо выше твоих, — осадил его Цюй Циньюэ. — Ты прибыл сюда ради Небесных испытаний, и за твоей спиной стоит честь Цинсяо-цзун. Неужели ты намерен устроить позорную свару на глазах у всех собравшихся?

Осажденный выговором, Мин Ю понуро опустил голову и попятился назад, прячась среди других учеников. Возразить он не решился, однако на его лице застыла маска обиженного упрямства.

Лян Сюань, лениво распластавшийся поперек седла, при виде этой картины негромко хмыкнул.

"А малый упрям, — мысленно усмехнулся Лян Сюань. — Вот только глупый юнец не понимает, что шибо спасает его шкуру. Не вмешайся Цюй Циньюэ, парень бы уже и дышать разучился. И перед кем он тут строит обиженную мину?"

Тайное царство не принадлежало миру смертных. Это была иная реальность, где духовная энергия вела себя крайне капризно. Чтобы переход заклинателей обошелся без катастроф, с древних времен действовал нерушимый закон: в радиусе трех ли от входа запрещалось любое проявление духовных сил. Иными словами, у стен Башни Древнего зеркала оружие обнажать не смел никто. Именно этот вековой пакт позволял Сюаньюй чувствовать себя в абсолютной безопасности и нагло явиться на Небесные испытания, не опасаясь внезапной расправы со стороны праведных орденов.

Однако дерзкие речи Мин Ю задела Юань Цяньчао за живое. Прямо сейчас он пальцем не

пошевелит, но стоит им оказаться по ту сторону прохода... Если мальчишку не будет охранять лично Цюй Цинъюэ или кто-то рангом не ниже Зарождающейся Души, Мин Ю с вероятностью в восемьдесят процентов обречен на лютую смерть от рук оскорбленного главы.

"Этот хитрый лис не признает полумер, — лениво размышлял Лян Сюань. — Либо терпит, либо уничтожает подчистую. Что ж, в этом мы с ним чертовски похожи".

Шэнь Гумин, устав ждать в душной повозке, наконец приоткрыл тяжелую занавесь и высунул голову наружу.

— Старший Лян, мы так и будем здесь стоять?

Лян Сюань, успевший уйти в свои мысли, при звуках голоса юного спутника нехотя перекатился на седле и выставил подошву сапога прямо перед лицом юноши.

— Чего тебе?

Шэнь Гумин уставился на запыленный носок сапога, едва не упершийся ему в переносицу, и вздохнул:

— Я спросил: мы не собираемся подойти к остальным?

— И ты меня об этом спрашиваешь? — фыркнул Лян Сюань. — Пока ты там сидишь сычом, мы никуда не сдвинемся. Слезай давай.

Шэнь Гумин промолчал.

"Хорошо, — мысленно вздохнул он. — Моя вина, вечно я во всем виноват".

Когда Лян Сюань наконец соизволил спешиться и направился к толпе в сопровождении Шэнь Гумина, на чьей макушке преспокойно устроился Тан Тянь, разношерстный людской улей смолк в единый миг. Наступила гробовая тишина.

Десятки взглядов скрестились на вошедшем. На него смотрели все: Сыту Чэ, Шэнь Лифэн, Цюй Цинъюэ, Юань Цяньчао, притихший Мин Ю и даже сама Гу Фаньинь...

Лян Сюаню было не привыкать к подобному вниманию. Совершенно невозмутимо он прошествовал сквозь расступающуюся толпу, отыскал в тени раскидистого дерева подходящий валун и вальяжно на него опустил. Шэнь Гумин, несмотря на юный возраст, под прицелом сотен любопытных глаз держался на удивление достойно. Он не проявил ни тени смущения, когда послушно замер подле своего спутника.

Один — признанный первый красавец в Поднебесной, другой — единственный сын прославленного Юйянь-цзюня. Этой колоритной паре не нужно было даже открывать рта, чтобы приковывать к себе всеобщее внимание.

Поодаль, среди притихших заклинателей, стоял буддийский монах в простом сером подряснике. Прикрыв глаза и благочестиво сложив ладони перед грудью, он едва слышно выдохнул:

— Амиتابха.

Этот тихий шепот стал единственным звуком, нарушившим звенящую тишину.

Сто лет назад Лян Сюань, возможно, еще пекся о своем благородном облике, но теперь подобные глупости его не заботили совершенно.

Мазнув по монаху равнодушным взглядом, он без тени смущения закинул ногу на ногу и подпер ладонью щеку. Его тонкие пальцы, выточенные из холодного белого нефрита, напоминали изящные бамбуковые стебли — безупречно ровные, с аккуратными полукруглыми ногтями. Каждое его движение дышало надменным, почти оскорбительным безучастием.

Спесивый, чужой всему миру и дьявольски самонадеянный.

Шэнь Лифэн скривился еще в тот миг, когда завидел приближающуюся пару. Он до последнего отказывался верить, что великий Вэйцы-цзюнь действительно мог приблизить к себе этого убогого мальчишку. Чтобы первый красавец Поднебесной взял в ученики бездаря, едва перешагнувшего четвертую ступень Очищения Ци? Абсурд.

Пальцы Шэнь Лифэна судорожно сжимались в кулаки. Сделав глубокий вдох и силой вернув себе самообладание, он решительно зашагал прямо к Лян Сюаню.

Чужая тень легла на валун. Собравшиеся вокруг заклинатели затаили дыхание, боясь упустить хоть слово.

Лян Сюань нехотя открыл глаза. Его взгляд был острее и холоднее ледяного осколка.

Сыту Чэ, который из-за ночных бдений у алхимической печи едва держался на ногах, на мгновение прикрыл глаза, а когда открыл — похолодел от ужаса. Его непутевый ученик, ни слова не сказав, пер напролом к этому взбалмошному гордецу. Сонливость испарилась без следа. Алхимик дернулся было вперед, надеясь перехватить упрямца за шкуру, но не успел сделать и шага, как этот недотепа уже открыл рот.

— Вэйцы-цзюнь, простите за дерзость, но правда ли, что вы взяли Мин-эра в ученики? — почтительно, но настойчиво спросил Шэнь Лифэн. — Если же слухи лгут, прошу вас рассеять

наши сомнения.

Стоило ему озвучить этот вопрос, как напряженное безмолвие разлетелось вдребезги. Притихшая было толпа взорвалась нетерпеливым гулом.

Со всех сторон посыпались удивленные восклицания и пересуды:

— Неужели Вэйцы-цзюнь нарушил вековое затворничество ради ученика?

— А церемония была? Без благословения патриархов на пике Чанлэ этот союз — пустой звук!

— С какой стати великому мастеру брать под покровительство этого калеку? Пусть он и сын Юйянь-цзюня, но толку-то с его убогого дара...

Сыту Чэ сокрушенно прижал ладонь к лицу, мечтая провалиться сквозь землю или хотя бы упасть в обморок прямо здесь. Мальчишка действовал напролом, ведомый лишь уязвленным тщеславием!

Шэнь Гумин, стоящий рядом, замер, и его сердце испуганно пропустило удар.

Он не думал, что кузен придаст этому такое значение и решится задать вопрос прямо в лоб. Но хуже всего было то, что Лян Сюань никогда не давал согласия на ученичество. Все те дерзкие заявления, которые Шэнь Гумин делал ранее, были лишь отчаянной попыткой сохранить лицо.

Шэнь Гумин медленно помрачнел. За те немногие дни, что он провел бок о бок с этим непредсказуемым человеком, тот только и делал, что измывался над ним: дразнил, связывал, доводил до белого каления и откровенно потешался над его бессильной злостью. Юноша внутренне сжался, уверенный, что сейчас его с позором выставят лжецом перед лицом всей Поднебесной.

Но тут случилось неожиданное.

Лян Сюань лениво окинул Шэнь Лифэна взглядом и процедил с самым безучастным видом:

— А тебе-то какое собачье дело?

Каждое слово прозвучало весомо и предельно ясно.

Шэнь Лифэн, никак не ожидавший от великого мастера столь откровенного хамства, опешил. Он мгновенно покраснел от стыда.

—... Старший Лян, я лишь хотел спросить о судьбе своего кузена...

— А с каких это пор у тебя появилось право меня расспрашивать? — Лян Сюань преспокойно покачивал закинутой ногой. — С таким вопросом ко мне мог бы явиться твой учитель. Но даже у него хватает ума не лезть без спроса. А ты сам-то кто такой, чтобы я перед тобой отчитывался?

Ошарашенный Шэнь Лифэн затравленно оглянулся на Сыту Чэ и наткнулся на взгляд, полный немого отчаяния. На лице старейшины читалась лишь одна мольба: «Замолчи и беги». Юноша удивленно расширил глаза.

— Старший, я... — замялся Шэнь Лифэн.

Лян Сюань чуть приоткрыл глаза, выразительно глядя на него в упор и давая возможность договорить. Прошло три секунды звенящего молчания. Так и не дождавшись продолжения, он холодно бросил:

— Ну? Повтори свой вопрос, если смелости хватит.

Посчитав, что гроза миновала и великий мастер готов снизойти до ответа, Шэнь Лифэн воспрянул духом и упрямо спросил:

— Действительно ли Мин-эр принят в вашу обитель как личный ученик?

— А тебе-то какое собачье дело? — безжалостно повторил Лян Сюань.

Шэнь Лифэн подавился воздухом.

— Чего стоишь, рот разинул? — лениво осведомился Лян Сюань. — Или тебе для вежливости карету со слугами подать, чтобы убрался наконец?

В этот миг до Шэнь Лифэна наконец дошло, что слухи безбожно лгали. Этот «первый красавец» оказался бесконечно далек от возвышенного идеала, созданного людской молвой. Его внешность действительно ослепляла, но благородство, кротость и отрешенность от мирской суеты — применимы ли были эти слова к сидящему перед ним хаму? Ни в малейшей степени.

Не солоно хлебав, Шэнь Лифэн позорно отступил. Он уныло поплелся назад к своему наставнику, готовому устроить ему показательную головомойку.

— Олух ты царя небесного! — вполголоса, но с чувством простонал Сыту Чэ, хватаясь за сердце. — Тебе жить надоело? Я ведь предупреждал: у этого несносного гордеца характер хуже некуда, он сумасброд до мозга костей! Как у тебя вообще язык повернулся к нему сунуться?

— Наставник, я лишь хотел докопаться до истины... — попытался оправдаться Шэнь Лифэн. — Кто же знал, что Вэйцы-цзюнь опустится до...

— Да какое тебе вообще до этого дело?! — в сердцах перебил его Сыту Чэ. — Совсем рассудок потерял от зависти, щенок!

Шэнь Лифэн окончательно сник.

"Да что я такого сделал? — крутилось в его голове. — Почему безобидный вопрос обернулся таким позором?"

Столь бесцеремонно выставив дураком почтенного ученика, Лян Сюань отбил у окружающих всякое желание лезть к нему с праздными разговорами. Даже Юань Цяньчао, вознамерившийся было подойти, теперь нерешительно замер на месте, явно передумав искушать судьбу.

"Тоска смертная, — мысленно зевнул Лян Сюань, сохраняя на лице выражение высокомерной скуки. — Пары ласковых слов хватило, чтобы этот сброд поджал хвосты. Слабый нынче пошел статист, никуда не годится".

— И с такими жалкими силенками ты надеялся растоптать моего подопечного? — едва слышно пробормотал он себе под нос. — Губу-то закатай, недовесок.

По сюжету этот Шэнь Лифэн в дальнейшем должен был проявить себя как редкостная, злопамятная тварь. Ради того чтобы насолить главному герою, он заманит несчастную Гу Фаньинь в уединенную комнату, коварством заблокирует ее меридианы и едва не лишит чести.

"Похоть до добра не доводит. Отрезать к чертовой матери, и дело с концом".

Чтобы этот похотливый интриган не натворил делов и не испортил Лян Сюаню удовольствие от долгожданного безделья, стоило при первом удобном случае лишить мерзавца причинного места. Чик — и никаких проблем в будущем.

С этой умиротворяющей мыслью Лян Сюань прикрыл глаза, продолжая лениво покачивать ногой.

Он совершенно не заметил, каким странным взглядом застывший рядом Шэнь Гумин провожал его профиль.

В его взгляде читалось глубокое, трепетное умиротворение... скрытая нежность... нечто столь сложное и непривычное, в чем сам юный бессмертный пока не мог отдать себе отчета.

<http://bllate.org/book/18178/1749795>